

врядовне велѣлимо и въ далншій часъ, вписати, що и есть вписано року и дня вышъположеного. Дѣялося въ Полтавскомъ ратушу. (Изъ книги рѣшеній Полтавск. полков. суда, л. 102).

ХІ. Рѣшеніе гетмана Мазепы по спору Григорія Герцика съ сыновьями Полтавскаго полковника Леонтія Черняка, за водяныя мельницы на р. Ворсклѣ.

Року божого 1700, мѣсяца іюлю 18 дня. По указу висоцеговѣщанномъ ясновелможного его мѣл. пана пана Іоана Мазепы, гетмана войскъ его царского пресвѣтлого величества Запорозкого. Передо мною Василиемъ Велепкимъ, судиею полку Гадыцкого, и при мнѣ будучихъ особъ: пана Ивана Насвѣта, значного войскового товарища, пана Андрея Нацинского, пана Адама Ненаденка, сотниковъ Полтавскихъ, пана Гаврила Рудяшки, хоружого полкового, и при многихъ зацнихъ особахъ.

Взглядомъ правного заводу пана Григорія Павловича зъ п. п. Савою, Филипомъ и Алексѣемъ Черняченками, точающегося о старую греблю въ селѣ Стасовцяхъ, маестности егожъ пана Григоріевой, на рецѣ Ворсклѣ будучую, также и о сагу, на якой, яко бы панъ Чернякъ старій безправне и неналежне построилъ ку пожитковъ своему, а ку шкодѣ старимъ млинамъ, чотирѣ колѣ млива, билъ розискъ. Поводовая сторона панъ Григорій Павловичъ при своей скарзе оповѣдалъ тое: Иванъ (правѣ) Петрашенко и Нечиноръ Крилувченко, козаки Стасовские, повѣдали мнѣ, же маючи въ себе по одному колу млива, на греблѣ нашой теперешной Стасовской, не могли онихъ удержати въ своей области, же панъ Чернякъ зъ заслугъ своихъ, за бувшаго небощика гетмана, принявши власть енералного асаулства, а по асаулствѣ вступивши на урядъ полковництва Полтавского, вомѣнилъ тихъ преречонихъ козаковъ (и мелниковъ) за людей посполитихъ, а выправивши собѣ у бувшого небощика гетмана унѣверсаль на заживане зъ ихъ млиновъ части войсковыхъ приходовъ, бѣралъ зъ ихъ двѣ части, а третью имъ козакамъ оставлялъ. Кивачиха, тежъ и Демончиха, по значнихъ и въ войску заслужонихъ мужахъ своихъ будучи задовѣлими, а на той же греблѣ мѣючи въ себе по одному колу млива, еще за бувшого небощика гетмана и за нынѣшнего щасливого его рейментарской велможности владѣнія, упросили собѣ поважние унѣвирсали на заживане зъ тихъ своихъ каменей войсковое части; еднакъ и мененние вдови не могли того совершенно зъ млиновъ своихъ звиклого приходу заживати, бо панъ Чернякъ и мимо унѣверсали рейментарские бѣравъ собѣ зъ ихъ каменей также, якъ и зъ посполитихъ, по двѣ части приходу, а имъ бѣднимъ кидаль по третей часты. Прето всѣ оние вишеписаніе мелники далѣй такой своей значной кривди отъ

пана Черняка дѣючойся не терпачи и противъ его, яко во всемъ можлиого и во власти крѣпкого, не могучи постояти, тии свои всѣ кола пану родичовѣ моему еще за полковництва его безъ жадного примѣсу попродали и записали.

Повторе онъ же панъ Григорій предложилъ и тое, же панъ Чернякъ собѣ отъ мелниковъ другихъ на тамошней же греблѣ и въ тихъ же клѣткахъ чотири колѣ млива куплю набувши, а иныхъ мелниковъ бынамнѣй не дбаючи и ихъ недокладаючи, зъ другого берега той греблѣ на прорвѣ еще чотири колѣ построилъ и пожитковалъ, а теперъ коли справа мною есть зачата, иже висланный для розиску по указу рейментарскомъ есть назначенъ, теды п. п. Черняки молодии клѣтку одну о двохъ колахъ (дѣтєся тому неделѣ зо двѣ) забрали вимѣраючи, ижъ будто зъ нихъ пожитку нѣкогда не мѣвали, одъ которыхъ старой греблѣ значная и великая перешкода чинилася и теперъ чинится.

Потрете говоривъ панъ Григорій тое, ижъ панъ Чернякъ старий не вѣдати, якимъ правомъ сагу (на которой Миронъ былъ за позволенемъ мелницкимъ построилъ для втекующей воды весняной ступки) набувши, третие чотири колѣ млива на той сазѣ збудовалъ безправне. При такомъ своемъ панъ Григорій предложеню презентовать намъ и свои купчие записи, данние пану родичовѣ его отъ Ивана Петрашенка и Ничипора Кридувченка, на двѣ колѣ, отъ Кивачихи тежъ и Демотчихи вдовъ, тежъ на двѣ колѣ, зъ таковымъ докладомъ писаніе—моглибысмы тихъ своихъ колѣ млива не продавати, при старости нашей вдовинной, еднакъ мусѣлисмо учинить поневоле для того, же отъ млыновъ новыхъ пана Черниковыхъ, на сазѣ построенныхъ, дѣтєся нашимъ млынамъ великая кривда и безправе, для якого нашего безправя отъ пана Черняка намъ дѣючагося, позволяемъ его мыл. пану полковниковѣ правне доходити. Отводная сторона п. п. Черняки, на попарте своей справы, показували продкомъ купчие свои записи на чотирѣ колѣ на той же греблѣ и въ тихъ же клѣткахъ, где и панъ Павелъ Семеновичъ чотири колѣ куплю набувъ; первый отъ Михайла Манойленка, другой отъ Марка Федоренка, третий отъ Хвеска Юрченка, а четвертый отъ Тимоша и Лукяна Хвесенковъ имѣ дание, зъ таковымъ вѣговоромъ: панъ родичъ правѣ нашъ зъ премногое милости монаршое и изъ ласки рейментарское уживалъ части войсковыхъ приходовъ якъ зъ власныхъ своихъ, куплю набутихъ, чотирохъ колѣ, такъ и изъ тихъ чотирохъ же, якие панъ Павелъ Семеновичъ покупилъ, отбираючи у мелниковъ належитие розмѣри ажъ до того времени, поколь въ куплю пану Павлу досталися, еднакъ не двѣ части, якъ панъ Григорій повѣдаеть, собѣ братъ, а мелникамъ будто третью оставлять, але во всѣхъ бралисмо по половинѣ, а не иначе. А щоя до тихъ чотирохъ колѣ на прорвѣ построенныхъ, тое учинити смѣлъ пакъ родичъ нашъ за позволенемъ всѣхъ мелниковъ, а не безправне. Да оны жъ п. п. Черняки покладали свои купчие записи и на

сагу Мироновскую, где ступки бывали; первый записъ отъ Миронихи, на дароване саги родичовъ ихъ зъ ступками о одномъ ставидлу даный; другой, отъ Яцка мѣрочника, продажею полененный ему жъ пану Черняковъ зъ другимъ ставиломъ; на третее засъ и на четвертее ставидла, не маючи купчого запису, меновали заводцу своего Михайла, бувшого полкового асаула дочку, а пасербицу Штепуруну, на селѣ Камяницѣ въ области его жъ пана Черняковой мешкающую, и ставили оную на доводъ. Ставины теды она Михайловна, зъ мужомъ своимъ Иваномъ, сказала подъ сумленемъ: по смерти, мовить, отца моего небожика Михайла, який бивалъ асауломъ полковимъ Полтавскимъ, Степанъ Штепура, второй мужъ матки моей, а мой отчимъ, продалъ свою половину того ставила Яцковъ, мѣрочниковъ Миронихиному, прозиваемому Скрипниковъ, а полставидла осталося при Миронисѣ. Пану Черняковъ тежъ мы нѣчого не продавали, бо тилко тамъ всего было едно ставилце на ступки. А за чимъ оно позволенемъ и на якую вгуду построено, того ми не вѣдаемъ, босмо тихъ часовъ еще не мѣли совершенного взросту. Чого п. п. Черняки, ижъ не довели правдою, тутъ значне обявилося.

По вуслуханю теды споровъ отъ сторонъ акторское и отводное и по вычитаню ихъ всѣхъ правныхъ записовъ, велѣлисмо стариннимъ и вѣры годнымъ людямъ, якъ Стасовскимъ, такъ и Гавронскимъ, нарочно на тое зискованымъ, станути и въ нынѣшней контроверсеи по самой истиннѣ свѣдѣтельствovati. Зъ которыхъ напродъ, будучи обовязалии сумленемъ и напомнимъ страхомъ Божиимъ, Корнѣй Голубъ, въ лѣтѣхъ южъ подейшлый, учтивый и вѣры годный человекъ, козакъ и житель села Гавронецъ, маестности пана Черняковой, такъ свѣдѣтельствовали: памятаю тое (мовить) добре, ижъ еще за небожика Пушкаря, бувшого полковника Полтавского, были при немъ Михайло да Миронъ асаулами полковими, которѣи мѣли въ себе по одному камению млива на греблѣ Стасовской; а видячи мѣстце приличное на сазѣ, отъ греблѣ оподаль будучое, просили, мелниковъ Юрка и Яска, жебы имъ на той сазѣ для втекующей воды весняной ступки построити позволили, котормъ мелники любо и позволили, еднакъ твердили тое пишно, жебы старому млыву, якая зъ того не учинилася перешкода. И когда старая гребля зо всѣми сагами, по обикновению давнему, будется гатити, то повинна и тая сага, на которой ступки построятся, гачена быти; въ томъ Мирунъ и Михайло, асаули полковни, упевняючи мелниковъ подъ присягою, говорили, же жадная и найменшая въ томъ старимъ млинамъ кривда не окажется. И такъ оны построивши ступки, якъ много ихъ держали, такъ по весняной водѣ кожного лѣта при гаченю греблѣ и тая сага гачена бывала. По смерти засъ Мироновой и Михайловой, жона Михайлова, будучи за другимъ мужемъ Штепурую, продала свою часть оной заставки ступной Яцковъ мѣрошниковъ; Миронова засъ жона, держачи зъ онымъ Яцкомъ тие ступки, а мѣстнемъ тимъ не користуючи, знесли внизъ по той же сазѣ отъ пер-

вого мѣстца оные ступки на добріе нивные гони, albo и болше, лечь также для втекучей воды, а не для удѣльной имъ на тое коло, поневажъ и тихъ временъ оная сага подъ часъ гачена греблѣ бывала завше гачена. Гдѣ rozdѣлиши тое ступное коло на двое, построилъ собѣ Яцко мѣрочникъ камень, а Мирониха держала ступки; еднакъ не могучи оныхъ спорядити совершенно, яко овдовѣлая, даровала ихъ Савѣ Черняченковѣ, выдавши за него свою сестричную. Потомъ тежъ панъ Леонтий Чернякъ купилъ и отое другое коло въ Яцка мѣрочника, и такъ, мѣючи южъ тии двѣ колѣ преречонии (а для втекучей воды постановление) въ своей области, поставилъ и еще къ тому два камень; а будучи возможнымъ паномъ, не допустилъ вже далѣй оной саги гатити попрежнему, о чомъ любо мелники до бывшихъ п. п. полковниковъ зъ жалобою и удавалися, еднакъ противъ можлиого пана нѣчого не вскурали, и еще зъ нимъ пеняючись, яко люде убогие, иншимъ людемъ завиноватилися, для чого мусли ему жъ пану Черняковѣ свои кола попродавши, долги виплачувати. Сии зась чотири колѣ на сей же греблѣ старинной, если за позволенемъ мелницкимъ онъ панъ Чернякъ вновъ построилъ albo нѣтъ, того я не вѣдаю; тылко тое добре знаю, же съ початку, отъ часовъ давнихъ, завше бывало тутъ на греблѣ колѣ осмъ, а теперъ стало дванадцеть, а на сазѣ чотири, которихъ всѣхъ шестнадцать считается.

Тутъ же станувши два свѣдки Семень да Григоръ Потопенки, рожоное братья, козаки и жители Стасовские, въ лѣтѣхъ и въ сѣдинахъ волосовъ южъ дозрѣліе люде, учтивие и вѣри годные, того сумленемъ обовязани, говорили: еще (правѣ) подъ часъ Кумейщины, будучисмо лѣтъ недозрослихъ, зъ отцемъ нашимъ, зайшлисмо до села Стасовець и осѣли мешканемъ, где отъ пяти еще куренювъ большъ нѣкого не было, и отъ того времени, рокъ по року, стало людей прибувати: а на Ворсклѣ еще нѣ мосту, нѣ млыновъ не бувало. Подъ часъ тежъ Берестецкого роstrуху, въ первый разъ на рецѣ Ворсклѣ мостъ былъ построенъ, где теперъ гребля найдуется, Потимъ пришовши два мелники, Остапъ да Юрко, у Пушкара, бывшого полковника Полтавского, просили такого позволения, жебы имъ волно было греблю заняти и млыни построи, ще и одержали тылко зъ такимъ приговоромъ, жебы Стасовчане да Гаврончане своими двома селами оную греблю, если змогутъ, гатили, иншихъ на тое сѣмъ не притягаючи. Итакъ одъ того часу, когда занялася гребля, оные мелники построиши осмъ колѣ, заживали ихъ спокойне, не знаючи ни одъ кого жадное перешкоди; и любо тие жъ мелники асауламъ полковимъ двомъ Михайлу да Мирону ступки на втекучей водѣ поставити позволили, еднакъ одъ того млынамъ не дѣялася жадная перешкода, бо влѣтку завше вышше тихъ ступокъ оная сага бывала гачена и воды на тие ступки жадною мѣрою не пускано, кромѣ весняной и осѣнной воды. А кды тии помененнии ступки Миронихою и Яцкомъ мѣрочникомъ внызъ знесены и пану Черняковѣ въ область досталися, тогды болшъ панъ Чернякъ

оной саги не допустилъ гатити, кдыжъ, къ тимъ давнимъ двомя заставкамъ, еще вновь двѣ колѣ на той же сазѣ построилъ. При такой трохѣ свѣдковъ сознано, были и инше годние люди по единому, подлугъ правного поступку, слуханы, именно: Мартинъ Демченко и Семень Шкрещець, козаки и жители Стасовскіе, зъ Кгавронецъ тежъ, маестности пана Черняковой, также учтивіе и вѣри годніе козаки и жители тамопніе: Климъ, Лисенковъ зять, атаманъ Кгавронскій, Павло Москаленко и иніе въ лѣтехъ южъ подейшлие, котріе также единъ по другому объясняючи, свѣдѣтельство отъ слова до слова зъ первыми свѣдками согласовалися.

Тутъ же еще на доводъ рѣчи велѣлисмо бувшимъ мелникамъ, въ которыхъ панъ Павелъ Семеновичъ и онъ, панъ Леонтій Чернякъ, кола поскуповували, станути, питаючи ихъ, если за ихъ вѣдомомъ и позволенемъ панъ Чернякъ, яко тие вновь двѣ колѣ на сазѣ, такъ и сии чотири колѣ новіе жъ на Вореклѣ построилъ, дармо безъ жадной куплѣ. Теды оніе сказали, подъ сумленемъ, ижъ не тилко пану Черняку тихъ чотирохъ колѣ строити не позволяли, але и боронилисмо, тилко жъ що не наша ровня, не моглисмо зъ нимъ нѣчого вскурати.—А до того Марко Демченко, козакъ и житель Стасовскій, одозвавшися говоривъ тое: мѣючи (мовить) и я камень млива на сей же Стасовскій греблѣ еще за бувшого небощика гетмана, когда былъ панъ Чернякъ енералнимъ асауломъ, терпѣлемъ великіе отъ его кривди въ неслухномъ браню розмѣру, бо онъ двѣ части себѣ беручи, мнѣ третью тилко оставлялъ, за що кды ему говорилисмъ, жебы не ровнялъ мене зъ мужиками и не чинилъ мнѣ утиску, а къ тому сталемъ былъ при упорѣ зъ мелниками двома Хвесками, шуриками своими, жебы онъ, панъ Чернякъ, попрежнему сагъ гатити не зборонявъ, теды онъ за тое мене немилостиво киями такъ билъ, же после того бою толко що живъ осталемся, о чомъ заносилемъ жалобу мою до бувшого небощика гетмана, по которой жалобѣ выданъ былъ отъ звѣрхности гетманской таковый указъ, жебы онъ панъ Чернякъ звичайнимъ способомъ въ насъ приходъ свой бралъ, що о размѣру любо досить и сталося, еднакъ сагъ гатити онъ, панъ Чернякъ, крѣпко возбранивъ и не допустивъ. Повторе, на тотъ же заводъ, по жалобѣ нашої зсиланъ былъ небощикъ Павелъ Животовскій судия енералний, у Полтаву и тутъ въ Стасовцѣ, который уваживши неслухность Чернякову, приказалъ, абы тая сага была попрежнему гачена, а за виступокъ свой, же не допускалъ гатити, каранъ былъ онъ, панъ Чернякъ, арматнимъ седѣнемъ и правніе виклады мусѣлъ намъ ворочати, нащо и декретъ одъ того жъ небощика судии былисмо одержали, лечъ и потомъ онъ, панъ Чернякъ, яко панъ можний, тому декретовѣ чинити не схотѣлъ досить и саги оной попрежнему не допустилъ гатити. Що мы видячи, ижъ не наша ровня и правоватися о томъ намъ, людемъ убогимъ, зъ нимъ трудно, а вода вся зъ Ворекла въ тую сагу потягнулася, же въ сихъ старыхъ млынахъ пожитку барзо учинилося щупло, мусѣлисмо едни ему пану Черняковѣ, а другіе

пану Павлу Семеновичу свои млыни попродади, а за спроданемъ млыновъ, гдесъ и декретъ оный затратился.

По всѣхъ тыхъ вышеописанныхъ свѣдѣтельствахъ людскихъ, хотячи мы и сами, тотъ розискъ чинячие, досконалъ всей шкоды старыхъ млыновъ дознатися, взявши зъ собою чотирохъ челоуѣковъ мелниковъ, добре на водномъ строению знающихъ, именно Кондрата, мелника Гадацкого, Корнѣя Сягайла и Кирика Трояненка, мелниковъ Брусѣвскихъ, Петровского зась мелника Михайла Какадѣя и килкохъ мѣрочниковъ, ездилесмо чолнами вверхъ той саги, одколь она зъ Ворекла выпадаеть, также и до того мѣстца, где оные давние ступки были построены и до млыновъ пана Черняковыхъ, ныже на той же сазѣ обрѣтающихся, где яко мы сами видѣли и зрозумѣвали такъ далеко барзѣй мелники досконале и совершенно опознали, же давнимъ млинамъ, на Вореклѣ найдуючимся, одъ тихъ новыхъ на сазѣ будущихъ великая кривда и перешкода дѣеться, албовѣмъ и еще иныхъ килка сагъ меньшихъ зъ Ворекла вуйшлихъ зъ тою болшою сагою злучившихъ, великую водную учинили потугу, тягнучи на тие чотирѣ колѣ на сазѣ построение и запевна можетъ въ оныхъ сагахъ болшѣ ніжли въ самой Вореклѣ воды найдоватися.

По всѣхъ тыхъ вышеописанныхъ поступкахъ, одозвавшись панъ Иванъ Черняченко говоривъ тое: бодай (мовить) другому такъ сердце лупилося, якъ у родича нашего плечи лупилися тую сагу прочишючи и изъ ней колоде волочачи, хто на насъ теперъ невинне насѣдаетъ.

Всѣ вышеписанные рѣчи, якъ отпраовались и якое отъ кого признате чинилося, такъ есть и записано, подаючи високому рейментарскому розсудковъ и его мудрой панской увазѣ. Писанъ въ селѣ Стасовцахъ, року и дня вышенамененного. Василий Велецкий, судя полковый Гадацкий, рукою власною.

Въ той же справѣ и поважный рейментарский выданий унѣверсалъ на знесенѣ пречъ новыхъ млыновъ тутъ же уписанъ, который такса въ собѣ маеть:

Его царского пресвѣтлого величества войска Запорозкого гетманъ Іоанъ Мазепа. Всей старшинѣ и чернѣ Войска его царского пресвѣтлого величества Запорожского и кождому, кому колвекъ о томъ вѣдати належитъ, симъ унѣверсаломъ нашимъ ознаймуемъ: поневажъ зъ инквѣзиции паномъ Василиемъ Велецкимъ, судиею полку Гадацкого, п. п. Иваномъ Насвѣтомъ, товаришемъ войсковимъ, Андрѣемъ Нащинскимъ, Адамомъ Ненаденкомъ, сотникомъ Полтавскимъ (sic) и Гавриломъ Рудяшкою, хоружимъ полковимъ, Полтавскимъ же, чиненой, показалося тое, же панъ Леонтий Чернякъ отворилъ бытъ саги по томъ боцѣ Ворекла будучи, для построения себѣ на оныхъ млыновъ. Мы теды, якъ по тому слушномъ и достатечномъ узнаню и намъ донесеню, такъ и по особливой нашей ку пану Григорию Павловичу ласкавой прихилности, позволяемъ ему, пану Григорию, тии саги попржему такъ теперъ загатити, яко и впередъ,

укрѣпляти. А мають онии саги гатитися жителми селъ Стасовець Гавронець и Камянки, якии и передъ симъ гачовали. А тутъ же пилю приказуемъ, жебы млини, якие онъ же панъ Чернякъ на греблѣ Стасовской Ворскляной безъ жадного тамошнихъ мелниковъ позволеня, а особливѣ безъ нашего гетманского фундушу, построилъ, пречъ били знесени и щобъ непременно на той греблѣ, по давнему, осмъ каменей было, и не болшѣ. Якому тебѣ нашому приказаню, абы онъ, панъ Леонтий Чернякъ, безъ жадной отмови досить учинилъ, подѣ неотпустнимъ войсковимъ каранемъ, и повторе пилю симъ же нашимъ унѣверсаломъ приказуемъ. Данъ въ Батуринѣ. Декаврия 8 року 1700. Звинѣ менованный гетманъ рукою власною. (Изъ книги рѣшеній Полтавск. полк. суда, л. л. 298—304).

XII. Реестръ кто именно въ какіе полки и повѣты опредѣлены отъ ея с—ва графа ясновельможного высокоповелит. гетмана унѣверсалами въ земскіе чины, яко то подкоморіе, судъ, подсудки и писарѣ.
1764 г., 7 мая.

Полку Стародубовского. Въ повѣтъ Стародубовскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Михайло Ширай. Судею: бунчук. товар. Петръ Искрицкій. Подсудкомъ: судия полк. Стародубовскій Петръ Малѣшевскій. Писаремъ: Степанъ Чарнолузскій. Въ повѣтъ Погарскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Петръ Миклашевскій. Судею: бунчук. товар. Степанъ Лашкевичъ. Подсудкомъ: асаулъ полков. Стародуб. Навель Любисевичъ. Писаремъ: войсков. канцеляристъ Иванъ Пѣсоцкій.

Полку Нѣжинского. Въ повѣтъ Нѣжинскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Андрей Жураковскій. Судею: сотникъ Дѣвицкій Лаврентій Селецкій. Подсудкомъ: сотникъ Занковскій Григорій Левицкій. Писаремъ: полковій Нѣжинскій первій канцеляристъ Яковъ Сѣякаревъ. Въ повѣтъ Батуринскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Григорій Долинскій. Судею: бунчук. товар. Иванъ Марковичъ. Подсудкомъ: войсков. товар. Петръ Забѣла. Писаремъ: полковій первій канцеляристъ Филипъ Щигловскій. Въ повѣтъ Глуховскій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Василь Кочубей. Судею: бунчук. товар. Сергій Дергунъ. Подсудкомъ: сотникъ Воронѣжскій Андрей Холодовичъ. Писаремъ: войсковій канцеляристъ Никандръ Телесницкій.

Полку Прилуцкого. Въ повѣтъ Прилуцкій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Андрей Марковичъ. Судею: асаулъ полков. Прилуцкій Яковъ Величко. Подсудкомъ: войсков. товар. Василь Огроновичъ. Писаремъ: войсков. канцеляристъ Семенъ Каневскій. Въ повѣтъ Иванецкій. Подкоморимъ: бунчук. товар. Григорій Горленко. Судею: сотникъ Иванецкій Федоръ Свѣрскій. Подсудкомъ: сотникъ Красноколядинскій Петро Максимовичъ. Писаремъ: войсков. канцел. Василь Магеровскій.